

В. Г. Белинский

Александринский театр.

Щепкин на

петербургской сцене

Виссарион Белинский

**Александрийский театр.
Щепкин на петербургской сцене**

«Public Domain»

1844

Белинский В. Г.

Александрійский театр. Щепкин на петербургской сцене /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1844

ISBN 978-5-457-24234-0

«...Торжество Щепкина было таково, какие редки вообще, еще более редки в сфере русского драматического искусства, и тем более оно замечательно, что было вполне заслуженное. Щепкин своим пребыванием в Петербурге сделал решительный переворот на русской сцене. Посещение его будет долго памятно, потому что бросило семена, которые не могут не принести плодов. Одно уже то, что Щепкин, слухами о своем необыкновенном искусстве и даровании, которые блистательно оправдывались на деле, заставил посещать Александрійский театр тех, которые давно уже не посещали его, – чего-нибудь да стоит...»

ISBN 978-5-457-24234-0

© Белинский В. Г., 1844
© Public Domain, 1844

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский

Александрійский театр.

Щепкин на петербургской сцене

На прошлой неделе, когда дилетанты приходили в восторг от «Отелло», исполняемого на Большом театре, – в Александрійском, в последний день октября, в бенефис г. Каратыгина 2-го, публика прощалась с знаменитым московским артистом Щепкиным, которого она успела полюбить так горячо в короткий срок пребывания его в Петербурге. И как прощалась она?.. Надобно было присутствовать при этом, чтоб видеть торжество гениального артиста и умиленное выражение привязанности к нему публики. Еще в начале спектакля, в возобновленной пьесе «Ссора, или Два соседа»¹, публика приняла Щепкина, превосходно выполнившего роль Вспышкина, с необыкновенным радушием и восторгом; но когда наконец в последний раз поднялся занавес и начались сцены из «Наталки-Полтавки», восторг публики доходил до высочайшей степени... Каждый романс Щепкина заставляла Щепкина повторить несколько раз. Когда же все, что заключалось в этих сценах, выбранных нарочно для Щепкина, было пропето и повторено и занавес должен был бы опуститься, Щепкин, тронутый и взволнованный, как бы поняв грустное чувство публики, задержал еще на мгновение минуту расставанья и запел эти восхитительные по своей простоте и грации куплеты из пьесы «Москаль-чарышник», которыми в течение своего пребывания в Петербурге постоянно приводил в восторг публику... Невозможно описать восторга благодарных зрителей. Едва только Щепкин окончил последний куплет, как громкие рукоплескания и восклицания: «браво! фора! bis!» загремели со всех сторон, и потом вдруг все смолкло, и в театре сделалось так тихо, что можно было слышать малейший звук. Щепкин снова пропел этот романс – и опять театр загремел рукоплесканиями и криками «браво» и «фора»! И опять ему должно было петь. По окончании романса в третий раз рукоплескания и крики одобрения не умолкали по крайней мере в течение пяти минут. Оглушительен был восторженный крик этой тронутой и взволнованной массы, наполнявшей театр сверху дониза. Наконец занавес опустился; начались вызовы. Надобно было не быть в театре в этот вечер, чтоб не умилиться до глубины души сценою, которую мы сейчас опишем. Семь раз опускался занавес и семь раз поднимался снова; семь раз уходил и снова являлся тронутый артист перед публикою, встречаемый и сопровождаемый громкими криками и рукоплесканиями. Вся публика встала с своих мест, но никто не думал идти из театра: каждому хотелось хоть сколько-нибудь воздать гениальному артисту за наслаждения, которые он щедро расточал зрителям; каждому жаль было, что, быть может, долго уже не придется увидеть Щепкина на петербургской сцене, и каждому хотелось хоть на секунду остановить время расставанья. Но нельзя же было вызывать до утра: сцена вызовов уже и так продлилась за полчаса; надобно было кончить, дать отдых собственным рукам, собственным чувствам, дать отдых артисту, которого все это не могло порядочно не измучить, потому что сильное торжество так же утомляет, как и сильное горе.

Торжество Щепкина было таково, какие редки вообще, еще более редки в сфере русского драматического искусства, и тем более оно замечательно, что было вполне заслуженное. Щепкин своим пребыванием в Петербурге сделал решительный переворот на русской сцене. Посещение его будет долго памятно, потому что бросило семена, которые не могут не принести плодов. Одно уже то, что Щепкин, слухами о своем необыкновенном искусстве и даровании, которые блистательно оправдывались на деле, заставил посещать Александрійский театр тех, которые давно уже не посещали его, – чего-нибудь да стоит. Сверх того, Щеп-

¹ «Ссора, или Два соседа» – комедия А. А. Шаховского (1821) «Наталка-Полтавка» и «Москаль-чарышник» – пьесы И. П. Котляревского.

кин произвел благотворное влияние вообще на публику Александрыйского театра, приблизив ее к настоящему понятию о том, что такое драматическое искусство и что такое истинный актер. А публика Александрыйского театра, должно признаться, – была далека от истинного понятия о таких вещах. В понятии ее существовали и существуют донныне два рода артистов – *трагические* и *комические*. Поэтому при появлении на сцене г. Каратыгина 1-го она считает непременно своею обязанностью – приходить в ужас и восторгаться; при появлении г-на Мартынова, напротив, она непременно готовится хохотать, потому что убеждена, что он, как актер, по ее понятиям, *комический*, должен смешить. И долго бы еще оставалась она в этом убеждении, если б Щепкин несколько не поколебал его очень простым образом: при появлении его она не знала, и до сей поры не знает, какой он актер – трагический или комический, ибо он не подходит ни под одну из известных ей мерок. Отчего же так? – Оттого, что, говоря собственно, ни трагических, ни комических актеров в природе нет и быть не может, как нет и быть не может людей с одним патетическим элементом в характере, без примеси чего-нибудь смешного, и наоборот. Отсюда, следовательно, не может быть (мы говорим о новейшей драме, изображающей действительность, как она есть) и ролей ни трагических, ни комических по преимуществу. Истинный актер изображает характер, *страсть*, развиваемую автором, и чем вернее, полнее передаст он ее, какова бы она ни была, возвышенная или низкая, тем более он истинный актер. Если вы согласились в том, что я сейчас сказал, то нетрудно вам будет согласиться, что и разделение театральных пьес на трагедии и комедии, в том смысле, как вы его понимаете, ложно. «Ревизор» Гоголя столько же трагедия, сколько и комедия. Что чувствуете вы, когда в последнем акте торжествующий городничий «распекает» купцов и еще прежде в бешеном восторге говорит эти слова: «Ведь почему хочется быть генералом? – Потому что, случится, поедешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачут везде вперед: лошадей! И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь, обедаешь где-нибудь у губернатора, и там: стой, городничий! Ха! ха! ха! Вот что, канальство, заманчиво!» – что вы чувствуете при этих словах, – охоту ли смеяться, или вам становится страшно?.. Что до меня, эти слова всегда наводят на меня ужас. В этих словах и вообще во всем пятом акте, до появления почтмейстера с письмом, высказывается весь городничий: вы видите, что, по понятию его, быть генералом – значит чваниться и павлиниться перед низшими и видеть перед собою их унижение, и проч. и проч... Представьте же себе такого человека действительно генералом... захочется ли вам смеяться?.. В сценах, на которые мы указали, высказывается торжество грубой животной природы, *страсть* доходит до бешено-исступленного выражения...² На основании всего этого мы думаем, что такую роль, как роль городничего, мог бы взять на себя даже г. Каратыгин 1-й (как ни странно покажутся слова наши публике Александрыйского театра); мы убеждены, что если не теперь, – когда он уже привык к так называемой трагической форме, то несколько лет прежде эта роль не была бы нисколько вне средств его, за что ручается нам его дарование... С точки зрения, которую мы старались показать, Щепкин – актер более всех других русских актеров. Он совершенно сбил с толку обычных посетителей Александрыйского театра (которые, впрочем, в те спектакли, когда играл Щепкин, составляли только *часть* публики), появляясь перед ними то в роли матроса (в пьесе того же имени)³, где от игры его невозможно не плакать, то в роли городничего (в «Ревизоре»), где от некоторых сцен становится страшно, то в небольших и разнообразных ролях нескольких новых и возобновленных пьес, где доводилось ему и смешить и трогать. Еще в заслугу, и немаловажную, ставим мы Щепкину то, что он умел помирить александрыйскую публику с

² Такое истолкование роли Городничего в «Ревизоре» и в частности исполнения Щепкиным этой роли в д. V комедии Гоголя сложилось у Белинского значительно раньше. Ср. в статье «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова...» – наст. изд., т. 2, с. 225–227 и примеч. 48 к этой статье.

³ См. примеч. 29 к статье «Александрыйский театр».

пьесами Гоголя и показать ей, что эти пьесы совсем не хуже «Войны Хавроньи Сидоровны с китайцами», «История о том, как Васильи Васильичи и Петры Кузьмичи надувают Варахасия Псоича», «Магометова рая» и всех превосходных пьес, которыми она восхищается⁴.

⁴ «Война Хавроньи (собственно: Федосьи) Сидоровны с китайцами» — см. примеч. 35 к статье «Александрийский театр». «История о том, как Васильи Васильевичи и Петры Кузьмичи надувают Варахасия Псоича» — комедия (1844). «Магометов рай» — собственно «Рай Магомета, или Преобразование гарема» (1844) — водевиль, переделка с французского. См. о нем: Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 372.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.